

МЕТАФОРЫ В РОМАНАХ А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР» И «СЧАСТЛИВАЯ МОСКВА»¹

А.Н. Баранов

В статье рассматривается система метафор романов А. Платонова «Счастливая Москва» и «Чевенгур». Для анализа метафоры используется когнитивная и дескрипторная теория метафоры. Собранные контексты употребления метафор систематизированы в базе данных, что дало возможность провести статистический анализ материала. В романах выявлены три кластера (группы) метафорических моделей – метафоры ЖИВОГО, НЕЖИВОГО и метафоры ПРОСТРАНСТВА. Система метафор в романах направлена на создание гармонии в восприятии природы и человека через осмысление последнего как естественной части природы, с одной стороны, и понимание природы как проявления живого и разумного начала – с другой.

Metaphors in the texts of the novels “Schastlivaja Moskva” and “Chevengur” by A. Platonov are under consideration in the paper. The analysis shows that there are three groups (clusters or constellations) of metaphors in the novels: 1) PERSONIFICATION, ORGANISM and PLANT-TREE metaphors; 2) PHYSICAL OBJECT and 3) SPACE metaphors. Through this metaphorical system human beings are represented in the text as a part of the world and nature, whereas objects of reality are categorized as active and passive persons. This strategy of metaphorization can be considered as important discursive practice of Platonov’s literary texts.

1. Постановка задачи

В последние двадцать лет язык произведений А. Платонова привлекает внимание многочисленных исследователей. Это объясняется самыми различными причинами – в первую очередь, конечно, самим масштабом творчества этого гениального писателя, не оцененного в должной мере ни современниками, ни более поздним официальным советским литературоведением. Для исследователя-лингвиста, пожалуй, наиболее притягателен тот эксперимент, который вольно или невольно ставит А. Платонов над языком и, как следствие, над мышлением человека. Многие аспекты этого экспериментирования довольно подробно обсуждались в имеющейся литературе². Однако метафоры в текстах произведений А. Платонова до сих пор последовательно не исследовались. В отдельных интересных наблюдениях метафоры этого автора недостатка нет³, при этом описание системы метафор А. Платонова даже на примере одного отдельно взятого произведения отсутствует. По-видимому, внимание литературоведов и лингвистов в первую очередь привлекали резко бросающиеся в глаза несуразности синтаксической семантики, нетривиальные факты сочетаемости лексем. Между тем системное изучение метафоры этого глубокого автора дает возможность несколько по-иному взглянуть на его творческий метод, приоткрыть присущее ему восприятие мира и, возможно, обнаружить те особенности текстов А. Платонова, которые находятся на грани осознаваемого и бессознательного, но фиксируемого языком.

В данной работе в качестве объекта анализа был выбран отрывок незаконченного романа «Счастливая Москва» и довольно значительный по объему текст – роман «Чевенгур». Обращение к этим произведениям объясняется тем, что роман «Счастливая Москва»

¹ Работа поддержана Российским гуманитарным фондом (грант № 12-04-12055) и тайваньским научным фондом National Science Council (проект № 95-2411-H-004-049).

² См., например, [1-3]. См. также литературу в обобщающих капитальных монографиях М.Ю. Михеева и Лая Инчуань [4; 5].

³ Интересные соображения о метафорах в художественных текстах А. Платонова можно найти, в частности, в работах М.А. Дмитриховской и Н.А. Кожевниковой [6; 7].

относится к позднему этапу развития творческого метода А. Платонова, а «Чевенгур» является первым романом этого писателя. Выявление сходства в организации системы метафор в этих произведениях будет иметь значительную предсказующую силу и использоваться как правдоподобная гипотеза об организации метафоры во всех художественных текстах А. Платонова.

2. Когнитивная и дескрипторная теории метафоры

Для сбора материала, его организации и последующей компьютерной обработки использовались две теории метафоры – когнитивная и дескрипторная. Основной тезис когнитивной теории метафоры, разработанной Дж. Лакоффом и его коллегами [8], сводится к следующей идее: в основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний – фреймов и сценариев. Знания, реализующиеся во фреймах и сценариях, представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром - как с миром объектов, так и с социумом.

Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target domain). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «метафорическая проекция» (metaphorical mapping) или «когнитивное отображение» (cognitive mapping). Следы метафорической проекции обнаруживаются на уровне семантики предложения и текста в виде метафорических следствий. Например, метафора РЕВОЛЮЦИЯ [цель] – ЭТО БУКВАРЬ [источник] во фразе – *Пишут всегда для страха и угнетения масс, – не разбираясь, сказал Копенкин. – Письменные знаки тоже выдуманы для усложнения жизни. Грамотный ум колдует, а неграмотный на него рукой работает. Дванов улыбнулся: – Чушь, товарищ Копенкин. Революция – это букварь для народа* [Чевенгур] обращает внимание адресата на идею «обучения», которая является частью когнитивной структуры (фрейма) «школы». Семантическая связь между революционными преобразованиями и обучением народа неслучайна. Она возникла уже, как минимум, во времена народничества и последовательно проводилась в советское время (ср. известный лозунг *Профсоюзы – школа коммунизма*).

Коммуникативное высвечивание отдельных свойств источника в области цели, возникающее в процессе метафорической проекции и проявляющееся на уровне предложения и текста в виде метафорических следствий, часто называют «профилированием». Таким образом, в приведенном выше примере в метафоре РЕВОЛЮЦИЯ [цель] – ЭТО БУКВАРЬ профилируется идея обучения.

Дескрипторная теория метафоры представляет собой развитие когнитивной теории и целенаправленно разработана для компьютерного анализа метафоры дискурсов значительного объема. Положения этой теории изложены в ряде публикаций (см. [9-11]). Основная идея дескрипторной теории заключается в том, что метафора или, метафорическая проекция, представляет собой функцию отображения элементов области источника (то, с помощью чего осмысляется нечто) в элементы области цели (само это «нечто», осмысляемое на языке метафоры). Тем самым источник оказывается «областью отправления» функции отображения, а цель – «областью прибытия». В результате формируется соответствие между источником и целью, стабильность которого в каждом конкретном случае сильно варьирует – от наименее стабильных творческих метафор, до устойчивых «стертых» метафор, фиксированных в культурной традиции общества и в переносных значениях слов.

В дескрипторной теории метафора описывается как множество кортежей (фиксированных последовательностей) сигнификативных и денотативных дескрипторов, представляющих, соответственно, область источника и область цели метафорической проекции. Так, метафора *бешеные железнодорожные поезда* [Чевенгур] представляется в дескрипторной теории метафоры в виде двухэлементного множества следующего типа: {<бешеный; больной; персонификация>, <поезд; транспортное средство>}. Первая последовательность – <бешеный; больной; персонификация> - состоит из сигнификативных дескрипторов, а вторая – <поезд; транспортное средство> - из денотативных. Последовательности дескрипторов упорядочены по степени абстрактности – от конкретных к абстрактным. Использование метаязыка сигнификативных и денотативных дескрипторов позволяет единообразно описывать контексты употребления метафор и обрабатывать их с помощью компьютерных программ – баз данных.

Тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов формируют «метафорические модели» (М-модели). Например, сигнификативные дескрипторы, имеющие семантику военных действий, армии, образуют М-модель ВОЙНЫ; дескрипторы, тематически связанные с родственными отношениями, формируют М-модель РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ и т.д. Каждая М-модель описывается иерархически упорядоченными деревьями сигнификативных дескрипторов⁴. В описании наиболее частотных метафор русского политического дискурса эпохи перестройки используется порядка пятидесяти М-моделей.

Совокупность метафорических моделей, представленных в конкретном произведении, с семантическими отношениями между ними можно назвать его **системой метафор**. Рассмотрим системы метафор выбранных произведений – романов «Счастливая Москва» и «Чевенгур». При этом метафоры понимаются весьма расширительно и включают не только метафоры в узком смысле, но и метонимии и развернутые сравнения.

3. Система метафорических моделей романов «Счастливая Москва» и «Чевенгур»: общий взгляд

Сплошной анализ текста романа «Счастливая Москва» позволил выделить 233 контекста употребления метафор (в указанном выше понимании). В Таблице 1 приведены метафорические модели, частота употребления которых равна или превышает три вхождения.

Таблица 1. Основные метафорические модели романа «Счастливая Москва»

ПЕРСНИФИКАЦИЯ	89
ПРОСТРАНСТВО	33
ОРГАНИЗМ	29
ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ	25
ПУТЬ-ДОРОГА	6
ВОЙНА	5
РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО	5
СВЕТ-ТЬМА	5
ВМЕСТИЛИЩЕ	4
ЖИДКОСТЬ	4
ОГОНЬ	4
ВЕЩЕСТВО	3

⁴ Такое представление метафорических моделей принято в словарях политических метафор [12; 13].

ДВИЖЕНИЕ	3
МЕХАНИЗМ	3
МУЗЫКА	3
РЕКА	3
СВЕТ	3
СВЕТИЛЬНИК	3
СТИХИЯ	3
СТРОЕНИЕ	3

Из таблицы видно, что модели ПЕРСОНИФИКАЦИИ, ПРОСТРАНСТВА, ОРГАНИЗМА и ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА по частоте существенно превышают другие метафорические модели и отделены от них значительным частотным «провалом»: М-модель ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА встретила 25 раз, а М-модель ПУТИ-ДОРОГИ – 6. Иными словами, различие в частоте составляет 19 употреблений. Такой разрыв в частоте можно рассматривать как косвенное указание на границу между частотными и низкочастотными метафорическими моделями.

Внутри группы частотных М-моделей выделяется, однако, еще один разрыв в частоте – между М-моделью ПЕРСОНИФИКАЦИИ и другими М-моделями. Метафора ПЕРСОНИФИКАЦИИ используется в исследованном романе А. Платонова почти в три раза чаще, чем ближайшая к ней метафорическая модель ПРОСТРАНСТВА ($89/32 = 2.78$). Вообще говоря, в высокой частоте употребления М-модели ПЕРСОНИФИКАЦИИ нет ничего удивительного, поскольку эта метафора, будучи фоновой⁵, во многих типах дискурсов оказывается наиболее частотной. Дело в том, что олицетворение не только типичный способ метафорического переноса, приводящий к возникновению новых значений, но и типичный способ осмысления действительности, имеющий глубокие когнитивные основания. Однако такой разрыв в частоте между этой М-моделью и другими метафорами, обнаруженный при анализе текста романа «Счастливая Москва», исключителен и явно связан с какими-то особенностями творческого стиля писателя.

С метафорой ПЕРСОНИФИКАЦИИ семантически связана метафора ОРГАНИЗМА, которая может использоваться и как одна из ступеней ПЕРСОНИФИКАЦИИ (общество как организм) и как ступень ДЕПЕРСОНИФИКАЦИИ (осмысление человека как организма, а не мыслящего существа – например, человек как тело). Семантически с этими М-моделями связана и метафора СЕРДЦА, которая у А. Платонова часто реализуется в виде метонимии. Таким образом, М-модели ПЕРСОНИФИКАЦИИ и ОРГАНИЗМА формируют общий частотный кластер метафор ЖИВОГО с очень высокой абсолютной частотой употребления: $89 + 29 = 118$. Этому кластеру противопоставлена М-модель ПРОСТРАНСТВА (32 употребления) и М-модель ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА (26). Метафора ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА образует частотный кластер метафор НЕЖИВОГО. Таким образом, основные метафорические модели в исследуемого романа А. Платонова представлены тремя частотными кластерами:

- кластер ЖИВОГО (ПЕРСОНИФИКАЦИЯ и ОРГАНИЗМ: $89 + 29 = 118$);

⁵ К «фоновым метафорическим моделям» относятся такие М-модели, которые связаны с другими М-моделями прагматическими имплицативными отношениями. Под прагматическими имплицативными отношениями понимаются такие связи между М-моделями, когда использование метафор одной М-модели в прагматическом смысле влечет и использование метафор другой М-модели. Так, деятельность по строительству предполагает наличие пространства, в котором это строительство происходит. В этом смысле М-модель СТРОИТЕЛЬСТВА имплицитно предполагает наличие и М-модели ПРОСТРАНСТВА. Наличие пространства подразумевается и при ведении военных действий, при занятиях спортом, выступлении в театре и т.п. Аналогично движение также возможно только в пространстве, следовательно, использование метафоры ДВИЖЕНИЯ предполагает наличие М-модели ПРОСТРАНСТВА как фоновой. См. по этому поводу [10].

- кластер ПРОСТРАНСТВА (33);
- кластер НЕЖИВОГО (ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ: 26).

В отличие от романа «Счастливая Москва», роман «Чевенгур» является законченным произведением и объем его существенно выше – порядка 115 тыс. словоупотреблений. Всего в нем было выявлено 908 контекстов употребления метафор, метонимий и метафороподобных выражений. Если, как и в предшествующем случае, отбросить метафорические модели с частотой, меньшей трех, то получаем следующий список М-моделей:

Таблица 2. Основные метафорические модели романа «Чевенгур»

ПЕРСониФИКАЦИЯ	399
ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ	113
ОРГАНИЗМ	63
ПРОСТРАНСТВО	57
РЕСУРС	37
ВЕЩЕСТВО	29
РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО	28
ЖИВОЕ	27
ДВИЖЕНИЕ	18
ЖИДКОСТЬ	14
ФАУНА	14
ОРГАН	13
ПРИРОДА	13
ОГОНЬ	12
ПУТЬ-ДОРОГА	12
СЕРДЦЕ	12
АНИМАЛИЗАЦИЯ	11
ОГРАНИЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО	11
РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	11
МЕХАНИЗМ	10
ПИЩА	10
ВРЕМЯ	9
ОГРАНИЧИТЕЛЬ	9
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО	9
ЗВУК	8
ВИДИМЫЙ ОБЪЕКТ	7
ВОДА	7
СТИХИЯ	7
СТРОЕНИЕ	7
ВМЕСТИЛИЩЕ	6
КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ	6
ОЗЕРО	6
СУЩЕСТВО	6
ЧЕЛОВЕК	6
ВОЙНА	5

МАШИНА	5
ПРЕДМЕТ	5
ПУТЬ	5
СВЕТ-ТЬМА	5
ЧУВСТВО	5
ЯВЛЕНИЕ ПРИРОДЫ	5
ВЕЩЬ	4
ДВИГАЮЩИЙСЯ ОБЪЕКТ	4
ДЕРЕВО	4
ИМУЩЕСТВО	4
ОГРАНИЧЕННОЕ ВРЕМЯ	4
ПЛОТЬ	4
ПОГОДА	4
ПОЛЕ	4
ПТИЦА	4
ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ	4
РЕКА	4
РЕЛИГИЯ-МИФОЛОГИЯ	4
СОН	4
ТИШИНА	4
ТУЛОВИЩЕ	4
БЕРЕЗКА	3
БУРЬЯН	3
ВЕТЕР	3
ВЛАГА	3
ВОДОЕМ	3
ГОЛОВА	3
ГРУЗ	3
КОЗА	3
МЕРТВЫЙ	3
МУЗЫКА	3
МЫШЛЕНИЕ	3
ПАРОВОЗ	3
ПОТОК	3
РАСТЕНИЕ	3
РУКА-РУКИ	3
СПОСОБНОСТЬ	3
ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО	3
УЩЕЛЬЕ	3
ЦВЕТОК	3
ЯЗЫК-РЕЧЬ	3

Сравнение М-моделей, представленных в Таблице 1 и Таблице 2 показывает их существенное сходство в самом наборе высокочастотных метафор. Первое место, как и в предшествующем случае, занимает метафора ПЕРСОНИФИКАЦИИ – 399 контекстов. Следующая по частоте метафора ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ употребляется с существенно меньшей частотой – 113 примеров. Интересно, что в системе М-моделей романа «Счастливая Москва»

эта метафора занимала четвертое место. Различие по частоте между метафорой ПЕРСОНИФИКАЦИИ и последующей по частоте М-моделью ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ очень велико – 286 употреблений. Довольно большой разрыв в частоте метафорой ПЕРСОНИФИКАЦИИ и последующей М-моделью обнаруживается и в системе метафор романа «Счастливая Москва».

Распределение по частоте других трех наиболее употребительных метафор – ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ, ПРОСТРАНСТВО, ОРГАНИЗМ – для рассматриваемых романов различается, но их состав остается постоянным. Кластеры высокочастных М-моделей остаются прежними, однако их последовательность меняется. Кластер М-моделей ЖИВОГО, образованный метафорами ПЕРСОНИФИКАЦИИ (399), ОРГАНИЗМА (50⁶) и РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА (28)⁷, как и в случае романа «Счастливая Москва», занимает первое место по частоте. В совокупности он насчитывает 477 употреблений. Кластер ПРОСТРАНСТВА насчитывает 57 употреблений, что отодвигает его на третье место. А вот кластер метафор НЕЖИВОГО, представленный М-моделью ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ переходит на второе место по частоте – 113 употреблений.

- кластер ЖИВОГО (ПЕРСОНИФИКАЦИЯ, ОРГАНИЗМ и РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО: 399 + 50 + 28 = 477);
- кластер НЕЖИВОГО (ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ: 113);
- кластер ПРОСТРАНСТВА (57).

Следует отметить, что с учетом весьма возможных статистических погрешностей наиболее существенным представляется не столько упорядочивание М-моделей или их кластеров по частоте относительно друг друга, сколько сам набор высокочастотных моделей, который, как легко видеть, весьма точно воспроизводится в романе «Чевенгур». Если иметь в виду, что роман «Счастливая Москва» не закончен и по объему сравнительно невелик, то обнаруженный факт воспроизводства высокочастотных М-моделей в романе «Чевенгур» указывает на то, что выявленные высокочастотные метафоры относятся к важной особенности художественного стиля А. Платонова, позволяющей реализовать какую-то творческую задачу писателя, к обсуждению которой я перейду в последующих разделах данной публикации.

4. Семантические функции метафор и кластеров метафор в текстах романов «Чевенгур» и «Счастливая Москва»

Рассмотрим выявленные кластеры более подробно, сосредоточившись на том, какие сущности метафорически осмысляются при использовании М-моделей указанных кластеров и какие смыслы при этом профилируются (то есть коммуникативно высвечиваются метафорой).

Начнем с М-модели ПЕРСОНИФИКАЦИИ, частота которой, как уже отмечалось выше, в обоих исследованных произведениях существенно превосходит частотность употребления других метафор. Анализ показывает, что олицетворение⁸ в большинстве случаев относится к

---

⁶ Из 63 употреблений метафоры ОРГАНИЗМА исключено 13 употреблений, относящихся к случаям ПЕРСОНИФИКАЦИИ.

⁷ Представленная в Таблице 2 М-модель ЖИВОГО (27 употреблений) почти вся отнесена к случаям ПЕРСОНИФИКАЦИИ и поэтому в подсчете не учитывается.

⁸ «Олицетворение» – более традиционное название метафоры ПЕРСОНИФИКАЦИИ.

конкретным объектам и сфере абстрактного, причем в «Счастливой Москве» превалируют контексты ПЕРСОНИФИКАЦИИ эмоций и чувств (13 контекстов из 89):

(1) Самбикин знал, что глупость — это *естественное выражение блуждающего чувства*, еще не нашедшего своей цели и страсти <...>. [Счастливая Москва]

(2) Узнав всю Москву полностью, все тепло, преданность и счастье ее тела, Сарториус с удивлением и ужасом почувствовал, что его *любовь не утомилась*, а возросла, и он в сущности ничего не достиг, а остался по-прежнему несчастным. [Счастливая Москва]

(3) <...> здесь человек никак не мог вырваться из обычного — из круглого шара своей головы, где катались его мысли по давно проложенным путям, из сумки сердца, где *старые чувства билась как пойманные, не впуская ничего нового*, не теряя привычного <...>. [Счастливая Москва]

Из сферы абстрактного часто персонифицируется также мышление и ум (10 контекстов):

(4) Самбикин молчал близ нее, его внутренности болели, точно медленно сгнивали, и в опустевшей голове *томилась одна нищая мысль любви* к обедневшему, безногому телу Москвы. [Счастливая Москва]

(5) Он следил за всемирным развитием событий день и ночь, и *ум его жил в страхе своей ответственности* за всю безумную судьбу вещества. [Счастливая Москва]

К сфере абстрактных категорий относятся также такие сущности, как жизнь и время, стоящие в центре художественного осмысления всего творчества А. Платонова. По отношению к этим категориям уместно было бы использовать не очень ясный, но модный сейчас термин «константа». Это действительно мировоззренческие константы, к которым снова и снова возвращаются герои Платонова:

(6) *Жизнь словно отлучилась из него самого и сосредоточилась* в отдаленном и грустном воображении снов <...>. [Счастливая Москва]

(7) Он был опечален *грустью и бедностью жизни, настолько беспомощной, что она почти непрерывно должна отвлекаться иллюзией от сознания своего истинного положения* <...>. [Счастливая Москва]

(8) Она знала, конечно, что здесь нет ее заслуг, но здесь есть *точная работа прошлых времен* и природы <...>. [Счастливая Москва]

(9) Опять наступила весна; *время все более удаляло жизнь Сарториуса*. [Счастливая Москва]

Олицетворение жизни и времени типично и для текста романа «Чевенгур». Жизнь представлена девятнадцатью примерами ПЕРСОНИФИКАЦИИ (*каждый из них хотел почувствовать другого, чтобы помочь своей неясной блуждающей жизни; окрепшая, взволнованная жизнь не хотела забываться в нем; жизнь его, утрачивая всякие вождения; жизнь отрешилась от этого места и ушла умирать в степной бурьян*), а время — десятью, однако большая часть из них приходится на конкретные виды времени (чаще всего время суток): *ему давно представлялась жара в виде старика, а ночь и прохлада*

– в виде *маленьких девочек и ребят*; *ночь ничего не произносила*; *день окончился, словно вышел из комнаты человек-собеседник*.

Вторая область ПЕРСОНИФИКАЦИИ – конкретные, физические сущности, осмысляемые как существа, люди, активно действующие или, наоборот, сами испытывающие воздействие:

(10) На каменной плите лежала *шляпа музыканта, прожившая все долгие невзгоды на его голове* — и некогда она покрывала шевелюру молодости, а теперь *собирала деньги для пропитания старости*, для поддержания слабого сознания в ветхой голой голове. [Счастливая Москва]

(11) <...> все *предметы, знавшие его, заплакали* по нем, и сон его воспоминаний исчез <...> [Счастливая Москва]

(12) Ему странно и даже печально было видеть *пустые трамвайные остановки, безлюдные черные номера маршрутов на белых таблицах*, — *они вместе с трамвайными мачтами, тротуарами и электрическими часами на площади тосковали* по многолюдству. [Счастливая Москва]

В романе «Чевенгур» сфера олицетворения несколько иная, хотя и эти области подпадают под данное выше весьма широкое определение – абстрактное и конкретное. Здесь наиболее часто персонифицируется природа и природные феномены (52 примера из 399): *творить у природы нет особого дара; природа возвратилась в человека после мешавшей ей встречной жизни; природе давно известно о коммунизме в городе; природа отказалась угнетать человека трудом; ветер, как бандит, тебе в уши наговаривает; ветер стих в изнеможении и молча лег под дождь; на небе обнажалось солнце; туманы словно сны погибали под острым зрением солнца*. Как естественную часть природы можно рассматривать и флору (растения и деревья – 27 примеров): *сорвал былинку и оглядел ее робкое тело; старые плетни, ущелья умерших пней; забормотали травы и кустарники; весь бурьян есть дружба живущих растений; Чепурный пощупал лопух – он тоже хочет коммунизма; Сломленный ногою Чепурного стебель положил свою умирающую голову на листовое плечо живого соседа*.

Весьма часто персонифицируется организм, представленный в тексте романа своими составляющими – сердцем, туловищем, глазами и т.д. (36 контекстов – второе место): *сердце всему человеку батрак, оно – рабочий человек; пахло чистотою сухой старости, которая уже не потеет и не пачкает вещей следами взволнованного тела; он сжимал свое тело под постилкой, чувствуя свои ноги, свою грудь как второго и тоже жалкого человека; туловища живут отдельно – и беспомощно поражаются мучением; глаза этой девушки были более темными, чем у Сони, и замедленными, точно имели нерешенную заботу, но они глядели полуприкрытыми и скрывали свою тоску; желудок перестал любить пищу; руки его сами упали, больше не нуждаясь в дружбе; глаза засосались под лоб в усталом отречении ото всех живых*. Хотя формально в контекстах такого рода реализуется скорее метонимия, у Платонова метонимические контексты по семантическим характеристикам мало, чем отличаются от собственно метафоры.

Как и в случае романа «Счастливая Москва», олицетворению подвергаются объекты и предметы (22 контекста). Ср. *ожившие удушающие вещи; телега опустила оглобли и легла ждать; вещи сучали по нем и звали его; изделия <...> существовали оживленными*. Аналогично осмысляются и механизмы, практически отсутствующие в сюжете «Счастливой Москвы» (25 примеров): *отец машины – рычаг, а мать – наклонная плоскость; машина –*

нежное, незащищенное, ломкое существо; паровоз стоял великодушный; «Колосники затекают – уголь плохой», – грустно говорил паровоз.

Персонализация эмоций и чувств вполне типична и для романа «Чевенгур». Ср. для *тоски не было товарища навстречу; тоска их шла навстречу друг другу и, встретившись, останавливалась на полпути; его любовь шла дальше по дороге воспоминаний; Копенкин почувствовал бодрость, спутницу дали и надежды.*

Единственное очевидное различие в сферах олицетворения в рассматриваемых романах – это контексты ПЕРСОНИФИКАЦИИ революции в романе «Чевенгур» - 21 контекст. Ср. *он считал революцию последним остатком тела Розы Люксембург; легли все вместе на полу в общем кирпичном доме, бронированном еще в семнадцатом году для беспризорной тогда революции; на моей лошади революция пять лет ездил.* В «Счастливой Москве» имеется лишь один пример такого рода: *стыдили на общем собрании, что она как дочь революции поступает недисциплинированно и неэтично.* Такое различие в частоте определяется сюжетами исследуемых произведений. Временные рамки романа «Чевенгур» - это период гражданской войны, а в «Счастливой Москве» описывается, скорее, начало индустриализации.

Рассмотренный материал показывает, что в романах «Счастливая Москва» и «Чевенгур» последовательно олицетворяются как объекты и предметы, так и части окружающего мира, которые трудно назвать предметами или физическими сущностями в языковом смысле. Это луна, ветер, солнечный и лунный свет: *восходит пустая неумуцающая луна на погасшее небо, шел ветер подобно существу; свет солнца медленно бредет по полу четырехугольником окна; ветер, как бандит, тебе в уши наговаривает; лунный свет так тосковал в пустоте.* Иными словами, **окружающий мир и внутренний мир человека населяются сонмом разнообразных существ**, которые движутся, думают, страдают, действуют как активные личности, но в то же время и испытывают самые разнообразные воздействия.

Интересно, что количество пассивных личностей при использовании метафоры ПЕРСОНИФИКАЦИИ в романе «Счастливая Москва» существенно больше, чем активных: на 43 пассивных личности приходится только 25 активных, то есть разница почти в два раза⁹. Однако распределение активных и пассивных личностей в примерах ПЕРСОНИФИКАЦИИ из романа «Чевенгур» соотношение почти поровну: 111 метафор с активным действующим лицом и 115 – с лицом, на которое оказывается воздействие.

Как показывают исследования русского политического дискурса, метафора ПЕРСОНИФИКАЦИИ представляет собой типичную фоновую метафорическую модель¹⁰. Весьма вероятно, что и в других типах дискурсов эта М-модель является фоновой, поскольку троп олицетворения относится к числу универсальных способов формирования переносных значений. Удивительным образом подавляющая часть контекстов употребления этой метафоры в тексте рассмотренных романов являются творческими, неконвенциональными (см. примеры выше). Тем самым у А. Платонова эта М-модель является **фигурной**, то есть ее появление соответствует замыслу автора текста, а не является следствием использования

⁹ Общее количество пассивных и активных личностей не совпадает с общим количеством контекстов использования М-модели ПЕРСОНИФИКАЦИИ, поскольку некоторые контексты неопределенны в отношении активности-пассивности. Так, во фразе *шляпа музыканта, прожившая все долгие невзгоды на его голове* не вполне ясно, является ли активным деятелем ЧЕЛОВЕК ЖИВУЩИЙ.

¹⁰ См. по этому поводу [10; 11; 13].

других М-моделей. Есть все основания считать ее одной из дискурсивных практик А. Платонова¹¹, частью его творческого метода.

Метафора ОРГАНИЗМА, с одной стороны, продолжает тенденцию олицетворения окружающего мира, наиболее ясно выражаемую метафорой ПЕРСониФИКАЦИИ¹². Однако, в отличие от ПЕРСониФИКАЦИИ, М-модель ОРГАНИЗМА останавливается на низшей ступени категоризации неживого как просто живого:

(13) Самбикин задумался, по своему обыкновению, *над жизнью вещества* — над самим собой; он относился сам к себе как к подопытному животному, как к части мира, доставшейся ему для исследования всего целого и неясного <...>. [Счастливая Москва]

(14) Всю свою юность Сарториус провел в изучении физики и математики; он трудился над расчетом *бесконечности как тела*, пытаясь найти экономический принцип ее действия. [Счастливая Москва]

(15) Сарториус подошел к окну; за ним был виден зимний дымный город; очередной рассвет *пробирался по обвисшему животу равнодушной тучи*, из которой нельзя ждать ни ветра, ни грозы. [Счастливая Москва]

(16) Лесов, бугров и зданий чевенгурец не любил, ему нравился ровный, покатым против неба *живот земли*, вдыхающий в себя ветер и жмущийся под тяжестью пешехода. [Чевенгур]

(17) Захар Павлович бил молотком всегда с сожалением, а не с грубой силой, не плевал на что попало, находясь на паровозе, и не царапал беспощадно *тела машины* инструментами. [Чевенгур]

Другая часть употреблений этой М-модели направлена в ровно противоположную сторону – в направление ДЕПЕРСониФИКАЦИИ человека. Осмысление человека как зародыша, тела или как составляющих это тело органов находится на грани метафоры в точном смысле и метонимии. Некоторые контексты такого рода естественнее интерпретировать как метафору:

(18) Ему казалось, что в райвоенкомате пахло так же, как в местах длительного заключения — *безжизненностью томящегося человеческого тела, сознательно ведущего себя скромно и экономично*, чтобы не возбуждать внутри себя замирающего влечения к удаленной жизни и не замучиться потом в тщотности, от тоски отчаяния. [Счастливая Москва]

(19) Вода умиротворила его, но он тут же понял, насколько человек еще *самодельное, немошно устроенное существо* — не более как *смутный зародыш* и проект чего-то более действительного, и сколько надо еще работать, чтобы развернуть из этого *зародыша* летящий, высший образ, погребенный в нашей мечте... [Счастливая Москва]

(20) Когда они проходили под руку среди торжествующих друзей, Самбикин посмотрел на них своими *глазами, забывшими моргать и отвлеченными размышлением в далекую сторону от личного счастья*. [Счастливая Москва]

¹¹ О понятии «дискурсивной практики» см. [10; 14].

¹² Метафорическую модель ОРГАНИЗМА можно рассматривать как одну из ступеней метафоры ПЕРСониФИКАЦИИ.

(21) <...> *каждое тело* в Чевенгуре должно твердо жить, потому что только в этом теле живет вещественным чувством коммунизм. [Чевенгур]

В контекстах (18)-(21) имеется в виду вовсе не человек, как в примерах стандартной метонимии типа *Простите, здесь стояло кожаное пальто, я за ним была* = 'Простите, здесь стоял человек в кожаном пальто, я за ним стояла'. Так, в примере (18) фразу *пахло [так же, как в местах длительного заключения —] безжизненностью томящегося человеческого тела* вряд ли можно интерпретировать как 'пахло безжизненными томящимися людьми'. Скорее имеется в виду нечто вроде 'ощущалась безысходность, тоска, томление и т.п. [которые испытывали люди, посещавшие данное место]'. Метафора ОРГАНИЗМА в данном случае профилирует (коммуникативно высвечивает) идею естественности чувства, которое не контролируется сознанием, волей человека и хорошо ощущается, распознается посторонним наблюдателем. В примере (19) опять-таки речь не идет о номинации человека как лица, а коммуникативно высвечивается идея несовершенства человека, передаваемая метафорами ЗАРОДЫША (вид метафоры ОРГАНИЗМА) и СУЩЕСТВА. В примере (20) зрительное восприятие осмысливается как деятельность глаз, что концептуально разделяет человека на отдельно живущие органы: выражение *глаза, забывшие моргать и отвлеченные размышлением* коммуникативно высвечивает идею автономности, независимости восприятия и мышления от самого человека¹³. Наконец, под *телом* в примере (21) имеется в виду не просто человек: здесь профилируется идея органичного существования человека в соединении с природой и миром.

Во всех рассмотренных контекстах человек теряет свои существенные свойства как личности, передавая их телу и своим органам, что приводит к его деперсонализации (по крайней мере частичной), но одновременно и сближает с природой, с окружающим миром, делая его органичной частью сущего. В «Чевенгуре» идея деперсонализации человека доведена до лапидарности во фразе *Человек – это не смысл, а тело, полное страстных сухожилий, ущелий с кровью, холмов, отверстий, наслаждений и забвения*.

Если понимать метафору широко – в смысле Аристотеля, – то частью метафорической модели ОРГАНИЗМА является осмысление сферы психического и эмоционального в терминах СЕРДЦА. Такие случаи принято интерпретировать как метонимию. И действительно, метафора в точном смысле предполагает перенос свойств из одной понятийной области в другую. В случае метонимии имеется лишь одна понятийная область, с элементами которой происходят те или иные преобразования. В случае использования концепта СЕРДЦА для категоризации эмоций и психических состояний человека такой подход оправдан, если считать, что СЕРДЦЕ является символом данной сферы. В противном случае метонимическая интерпретация «переноса по смежности» невозможна. Действительно, СЕРДЦЕ как символ эмоций и психического метонимически может обозначать эмоции и психическую деятельность. При этом метонимическое осмысление с использованием концепта СЕРДЦА в тексте романа следует общей художественной тенденции «декомпозиции» и деперсонализации человека: *услышал вдруг жалкую музыку, тронувшую его сердце; сердце еще болит, не остыло; почувствовал свое тоскующее, опустевшее сердце; изгнать из своего тела и сердца; сердце болело по Москве; от слабости своего сердца, сжавшегося сейчас в ее груди; нашла теперь удовлетворение для своего блуждающего сердца*. Однако некоторые примеры использования данного концепта очень близки метафоре в точном смысле: *из сожаления к своему сердцу, которое может напрасно заболеть от любви; какую-то милой жизнью, чуждой для его сердца, таящегося в своем одиночестве; оно*

¹³ В последнем случае вообще можно говорить даже о метафоре ПЕРСОНИФИКАЦИИ глаз.

[сердце] летать хочет, и бьется; все ему приносило в сердце содрогание и он пугался развертывающейся в нем тревожной и опасной жизни; не будет такого сердца, которое вспомнит сразу всех мертвых и заплачет о них; попросить какой-нибудь товарищеской помощи от ужаса своего тоскующего сердца. В последних примерах осмысление СЕРДЦА приближается к мучительно чувствующему человеку – лицу; это не просто метонимическое обозначение эмоций.

Персонификация эмоций, чувств, явлений психики человека разрушает цельность человека, повышает значимость эмоций и психического, приближает человека к неживой природе, стихиям, которые, в свою очередь, наоборот, олицетворяются, персонифицируются.

М-модель РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО недостаточно частотна в романе «Счастливая Москва» (5 вхождений), но довольно употребительна в романе «Чевенгур» (28 употреблений) и, тем самым, входит в кластер ЖИВОГО для этого произведения. В тексте «Чевенгура» М-модель РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО используется, с одной стороны, для профилирования свойств, не связанных прямо с деперсонификацией человека (ср. коммуникативное высвечивание свойства одиночества во фразе *Она была похожа на одинокое стойкое растение на чужой земле, не сознающее от своей доверчивости, что оно одиноко*), а с другой – для обращения внимания на характерные внешние особенности людей, сближающие их с растениями и деревьями, причем в последнем случае формальное сближение по внешним свойствам приобретает сущностный характер, давая эффект деперсонификации – снятия грани между человеком и окружающим его миром:

(22) Гопнер решил вслед пешеходу, что *тот похож на садовое дерево*; в теле Луя, действительно, не было единства строя и организованности – была какая-то неувязка членов и конечностей, которые выросли изнутри его *с распущенностью ветвей и вязкой крепостью древесины*. [Чевенгур]

(23) <...> Мавра Фетисовна ничего не чуяла от слабости <...> она обнажила полную ногу в морщинах старости <...>; на ноге были видны желтые пятна каких-то омертвелых страданий и синие толстые жилы с окоченевшей кровью, туго разросшиеся под кожей и готовые ее разорвать, чтобы выйти наружу; *по одной жиле, похожей на дерево*, можно чувствовать, как бьется где-то сердце, с усилием прогоняя кровь сквозь узкие обвалившиеся ущелья тела. [Чевенгур]

Кластер метафор НЕЖИВОГО существенно менее частотен и занимает третье место в тексте романа «Счастливая Москва» (после кластера ПРОСТРАНСТВА) и второе место в романе «Чевенгур». Образующая его метафора ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА встретила в «Счастливой Москве» 26 раз, а в «Чевенгуре» - 113 раз.

Кластеры метафор ЖИВОГО и НЕЖИВОГО в определенном смысле противопоставлены друг другу: олицетворение versus овеществление. Значительная часть употреблений М-модели ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА (10 контекстов из 25 в «Счастливой Москве» и 21 из 113) приходится на осмысление человека:

(24) Честновой не столько хотелось пережить самой эту жизнь, сколько обеспечивать ее — круглые сутки стоять у тормозного крана паровоза, везя людей навстречу друг другу, чинить трубу водопровода, вешать лекарства больным на аналитических весах — и *потухнуть вовремя лампой над чужим поцелуем*, вбрызнув в себя то тепло, которое только что было светом. [Счастливая Москва]

(25) Самбикин задумался, по своему обыкновению, над жизнью вещества — над самим собой; он относился сам к себе как к подопытному животному, *как к*

части мира, доставшейся ему для исследования всего целого и неясного.
[Счастливая Москва]

(26) В страхе от своего воспоминания Сарториус обнял Лизу, широко оглядывая одинокую тьму ночи; Лиза в ответ прильнула к нему, согреваясь и *приобретая его руками*, как разумная хозяйка. [Счастливая Москва]

(27) – Женщина без революции – одна полубаба, по таким я не тоскую... Уснуть от нее еще сумеешь, а далее-более – она уже не *боевая вещь*, она легче моего сердца. [Чевенгур]

(28) Дванов загляделся в бедный ландшафт впереди. И земля и небо были до утомления несчастны: здесь люди жили отдельно и не действовали, как *гаснут дрова, не сложенные в костер*. [Чевенгур]

(29) Сербинов думал о том, как он придет к себе в комнату и сядет записывать Софью Александровну в убыток своей души, в графу *невозвратного имущества*. [Чевенгур]

Метафорическая категоризация человека как предмета, объекта, части неживого последовательно реализует тенденцию деперсонификации человека, выявленную выше при использовании метафор кластера ЖИВОГО – ПЕРСОНИФИКАЦИИ, ОРГАНИЗМА и РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА.

Другие употребления данной М-модели относятся к сфере абстрактного – жизнь, бессмертие, душа, память, любовь, событие, мысли и т.д. По большей части это одиночные контексты: *всеобщая жизнь неслась вокруг нее <...> мелким мусором*; *в тумане над морем* [МУСОР]; *где находилась в кишках пустая душа человека* [ПУСТОЙ ОБЪЕКТ]; *в бледном свете памяти* [ОБЪЕКТ-СВЕТИЛЬНИК]; *события <...> углубились в середину тел спящих* [ПЕРЕДВИГАЮЩИЙСЯ ОБЪЕКТ]; *У Дванова не было в запасе никакой неподвижной любви, он жил одним Чевенгуром и боялся его истратить* [ПЕРЕДВИГАЮЩИЙСЯ ОБЪЕКТ]; *из круглого шара своей головы, где катались его мысли по давно проложенным путям* [ОБЪЕКТ-ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО]; *заполнить это междуособное место, освещенное солнцем, вещью дружбы* [ВЕЩЬ]; *они [бабы] весь коммунизм деревянными пилами на мелкобуржуазные части распилят* [ДЕРЕВЯННЫЙ ПРЕДМЕТ]. Для осмысления довольно ограниченного круга абстрактных сущностей (бессмертия, революции, коммунизма и социализма, чувств человека) часто используется вариант М-модели ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА – ВИДИМЫЙ ОБЪЕКТ: *разглядывал будущее бессмертие*; – *Мы же не знаем коммунизма, – произнес Дванов, – поэтому мы его сразу увидать здесь не сумеем; он <...> увидел свою жалость в этом городе; где бы он мог строить социализм ручным способом и смог бы довести его до видимости всем*.

В романе «Счастливая Москва» к кластеру метафор НЕЖИВОГО относится также довольно редкая М-модель МАТЕРИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ (2 контекста). В отличие от метафоры ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА, в рамках этой М-модели абстрактное осмысляется как вещество, газ и т.п., ср. примеры типа *весь его ум был наполнен мыслью; он увидел силу и светящееся воодушевление*.

М-модель ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА относится к числу онтологических метафор. Категоризация абстрактного как конкретного типична для мышления человека. Это способ оптимизации проблемной ситуации, позволяющий, принимая решения, оперировать абстрактными категориями как материальными сущностями¹⁴. У А. Платонова

¹⁴ См. по этому поводу [8].

овеществление абстрактного вряд ли имеет гносеологическую функцию. Скорее, это вербальное переживание фантомов души и сознания, порожденных идеологизированной действительностью. Использование же метафоры ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА по отношению к человеку преследует цель достижения гармонии природы и человека через осмысление последнего как естественной части природы.

Кластер метафор ПРОСТРАНСТВА представлен в текстах исследуемых романов одноименной метафорической моделью. По частоте этот кластер занимает в «Счастливой Москве» второе место (33 контекста), а в «Чевенгуре» - третье (57 употреблений). Как и в предшествующем случае, определенная часть контекстов этой метафоры связана с осмыслением человека и его тела (11 контекстов и 9 контекстов, соответственно):

(30) а. Но где тот шлюз в темноте, в *тесных ущельях человека*, который скуп и верно держит последний заряд жизни? [Счастливая Москва] в. <...> на ноге были видны желтые пятна каких-то омертвелых страданий и синие толстые жилы с окоченевшей кровью, туго разросшиеся под кожей и готовые ее разорвать, чтобы выйти наружу; по одной жиле, похожей на дерево, можно чувствовать, как бьется где-то сердце, с усилием прогоняя кровь сквозь *узкие обвалившиеся ущелья тела*. [Чевенгур]

(31) а. Затем Москва мылась, удивляясь химии природы, превращающей обыкновенную скудную пищу (каких только нечистот Москва не ела в своей жизни!) в розовую чистоту, в *цветущие пространства ее тела*. [Счастливая Москва] б. Когда-то он молился в такой же церкви в своем селе, но из церкви он приходил домой – *в близость и тесноту матери*. [Чевенгур]

(32) Сарториус заметил это и улыбнулся ей своим неточным *широким лицом, похожим на сельскую местность*. [Счастливая Москва]

Пространственная интерпретация человека преследует ту же художественную сверхзадачу, которая была сформулирована выше: становясь пространством, человек одновременно становится частью окружающего мира. Концептуальное единение человека и мира простирается еще дальше – человеческая жизнь приобретает черты пространства (7 контекстов в «Счастливой Москве» и 10 – в «Чевенгуре»): *она обошла всю жизнь; жизнь простиралась в даль, из которой не возвращаются; проходит вдаль большая дорога жизни; долгий путь остающейся жизни; мой маршрут кончается, я скоро свалюсь в овраг личной смерти; увез в даль жизни; чем дальше он будет жить, тем это пространство непережитой жизни будет уменьшаться, а позади – удлиняться мертвая растоптанная дорога; свою будущую жизнь он раньше представлял синим глубоким пространством – таким далеким, что почти не существующим*.

Еще одна довольно типичная целевая область пространственного осмысления – время. Понятно, что автора интересует будущее время, поскольку философия и идеология коммунизма направлена в будущее: *стала бессознательно искать дорогу в свое будущее; она их [интересы] лишь откладывала до более дальнего будущего; далекие края будущего, Пролетарская Сила была столь же прочна и готова ехать в даль и в будущее; в будущее шел с темным ожидающим сердцем; будущее впереди <...> росло и простиралось*.

В остальных употреблениях этой М-модели в исследуемых романах не усматривается какой-то значимой закономерности. Ср. пространственное осмысление ума – *чувствовала стыд, пробирающийся к ней в сердце из ее лгущего, пошлого ума, грустно сознающего свое постыдное пространство; смерти – он видел смерть как другую губернию, которая*

расположена под небом; бессмертия – лежит воздушная страна бессмертия; учреждения – поглядев нечаянно в даль военкомата; истории – догадывались об угрюмых размерах природы, о протяженности истории; невежества - невежество – чистое поле.

Проведенный анализ показывает, что метафоры в романах А. Платонова «Чевенгур» и «Счастливая Москва» образуют систему, направленную на решение совершенно определенной творческой задачи: отразить гармонию мира в соответствии с эстетикой советской эпохи – так, как ее понимал сам А. Платонов. Гротескно гиперболизированное восприятие жизни людей через призму коммунистической идеологии и глобальных задач строительства социализма передается А. Платоновым системой метафор, приводящих к декомпозиции как духовного и психического мира человека, его сознания, так и его тела. Метафора ПЕРСОНИФИКАЦИИ превращает человека в скопище разнообразных существ, выполняющих функции, в нормальном случае свойственные человеку как цельной личности: *утомляющаяся любовь, блуждающее и пойманное чувство, томящаяся нищая мысль, живущий в страхе ум* – все это приводит к декомпозиции человека как целого. С другой стороны, ПЕРСОНИФИКАЦИЯ объектов и предметов окружающего мира приводит к восприятию природы как социального феномена, вполне сопоставимого с обществом людей.

В две стороны направлена и метафора ОРГАНИЗМА: неживое олицетворяется, становится частью живого (*жизнь вещества, живот равнодушной тучи*), а человек, наоборот, деперсонифицируется и становится неодушевленным организмом, приближаясь к неодушевленной природе: *безжизненно томящееся человеческое тело, смутный зародыш, в тело вошли грусть и равнодушие, бродящие тела*. М-модели ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА и ПРОСТРАНСТВА в метафорических проекциях по отношению к человеку также его деперсонифицируют. Вырисовывается довольно ясная **двойная стратегия использования метафор, направленная на гармонизацию природы и человека через осмысление последнего как естественной части природы, с одной стороны, и понимание природы как проявления живого и разумного начала – с другой.**

5. От метафор к понятийным константам

Когнитивная теория метафоры утверждает, что метафора – это важный когнитивный механизм, влияющий на процесс принятия решений. Согласно современным представлениям, процесс принятия решений включает следующие основные этапы: 1) осознание проблемной ситуации; 2) выявление альтернатив разрешения проблемной ситуации; 3) оценка альтернатив; 4) выбор альтернативы (собственно принятие решения). Метафора так или иначе может влиять на любой из этапов принятия решений, но она особенно важна при формировании множества альтернатив разрешения проблемной ситуации. Человек, осмысляющий спор как военные действия (концептуальная метафора СПОР – ЭТО ВОЙНА) будет вести себя совершенно по-другому, чем человек, воспринимающий спор, как искусство или как танец (концептуальные метафоры СПОР – ЭТО ИСКУССТВО, СПОР – ЭТО ТАНЕЦ).

Если когнитивная теория метафоры права, то концепты, понятия, осмысляемые в метафорических терминах, занимают существенное место в сознании и мышлении человека. Чем больше метафорических осмыслений, тем более «централен» концепт,¹⁵ то есть более значим в когнитивной системе. Концепты, имеющие высокую частоту метафорических интерпретаций, могут претендовать на статус понятийных констант, которые важны как для

---

¹⁵ Ср. понятие центральности узла когнитивной карты в когнитивном картировании – способе представления причинных связей в политическом тексте [15].

ценностных ориентаций личности, так и для разработки стратегии поведения в кризисной ситуации. Проведенное исследование метафорики романа «Счастливая Москва» позволяет выявить те понятия, которые чаще всего становятся объектом метафорического осмысления, то есть более часто выступают как «область цели» (target domain) метафорической проекции. Как оказалось, самый метафоризируемый концепт – это «человек». Более того, другие частотные концепты, образующие группу самых частотных, – это понятия, так или иначе связанные с человеком:

Таблица 3. Наиболее частотные области метафорического осмысления (в романе А. Платонова «Счастливая Москва»)

человек	53
жизнь	27
чувство/чувства	23
психика	18
время	10
ум	10
тело	9
любовь	8
мысль/мысли	8
мышление	8
объект-предмет	8
мир	7
организм	7
природа	6
душа	5
история	5
бессмертие	4
тоска	4

Категория времени почти вдвое менее частотна, чем концепт психики. Тем самым группа когнитивных констант «человек», «жизнь»¹⁶, «чувство/чувства» и «психика» формируют область интересов А. Платонова, осмысляемую средствами художественного текста¹⁷. Разумеется, к человеку относятся и другие, менее частотные, концепты – «ум», «любовь», «мысль/мысли», «мышление», «душа», «бессмертие». С учетом этого человек и все связанное с ним оказывается центральной понятийной категорией эстетики и художественного осмысления действительности в тексте романа «Счастливая Москва»¹⁸.

Можно утверждать, однако, что человек как центральная понятийная категория А. Платонова – ключевой концепт его мировосприятия – не существует для Платонова вне мира. Противоречие между человеком и миром снимается, как уже было показано, художественной стратегией использования метафор, позволяющей приблизить мир к человеку, а человека – к миру.

¹⁶ Чаще всего имеется в виду именно жизнь человека.

¹⁷ Отметим, что Лай Инчуань выделяет понятие «человек» как одну из ипостасей концепта «странничество», являющегося, согласно этому автору, центральной темой в романе А. Платонова «Чевенгур». См. [5].

¹⁸ Интересно, что выделенное таким образом множество концептуальных категорий лишь частично пересекается с обычно обсуждаемыми в литературе по Платонову концептами – ср. выделение таких категорий, например, в [4; 6].

Несколько иное распределение понятийных констант обнаруживается в романе «Чевенгур» (см. Таблицу 4). Самой частотной областью метафорического осмысления остается «человек» (93 употребления). Как и в романе «Счастливая Москва», «человек» как понятийная категория, тесно связан с концептами «жизнь» (71) и «чувство/чувства» (40). «Тело» человека, «организм» также становятся целевой областью метафоризации (36 и 55 контекстов соответственно). Однако имеются и отличия. Во-первых, существенную конкуренцию концепту «человек» составляет концепт «коммунизм-социализм» – 74 контекста. Это вполне понятно: действительно, самозарождение коммунизма в Чевенгуре является частью сюжетной канвы повествования. Кроме того, коммунизм интересен Платонову как психологический и мировоззренческий феномен, как такой способ изменения человека, который, предположительно, позволит снять противоречие между людьми и окружающим их миром, сделав человека органичной частью бытия. В этом смысле роман «Чевенгур» оказывается своеобразным мысленным экспериментом, который ставит Платонов на выдуманном им мире и людях (в отличие от политических «экспериментаторов», уродующих реальных людей), пытаясь оценить последствия новой идеологии.

С концептом «коммунизма-социализма» тесно связан и концепт «революции» (41), который также становится частотной мишенью метафорической проекции.

Еще одна важная концептуальная особенность романа «Чевенгур» - частое метафорическое осмысление «природы», семантически связанное с понятием «мир».

Таблица 4. Наиболее частотные области метафорического осмысления в романе А. Платонова «Чевенгур»

человек	93
коммунизм-социализм	74
жизнь	71
природа	61
организм	55
революция	41
чувство/чувства	40
тело-тела	36
время	33
растение-дерево	29
механизм	27
мир	27
солнце	24
объект-предмет()	23
орган()	22
машина	21
ум	19
пространство	18
мышление	17
сердце	17
транспортное средство	15
ночь	14
паровоз-паровозы	14
флора	14

душа	13
земля	13
свет-тьма	13
горе	12
город	11
неработающие	11
счастье	10

Таким образом, можно утверждать, что в концептуальной сфере в романе «Чевенгур» наиболее существенны два концентратора – «человек» и связанные с ним категории и феномен «коммунизм-социализм». Человек как одна из центральных понятийных категорий А. Платонова не существует для Платонова вне природы и мира. Противоречие между человеком и миром снимается художественной стратегией использования метафор, позволяющей воспринимать человека через призму мира, а мир – через образ человека. Феномен «коммунизма-социализма» встраивается в эту концептуальную систему как объект мысленного эксперимента, цель которого оценить способность новой идеологии так преобразовать человека и общество, чтобы снять противоречие между человеком и окружающим его миром. Сюжет романа однозначно указывает, каковы перспективы нового преобразования общества, человека и мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Левин Ю.И. От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А. Платонова) // Семиотика и информатика. Вып. 30. М., 1990.
2. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М. 1990.
3. Вознесенская М.М., Дмитровская М.А. О соотношении ratio и чувства в мышлении героев А. Платонова // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
4. Михеев М.Ю. В мир Платонова – через его язык. М., 2002
5. Лай Инчуань. Художественный текст как объект концептуального анализа (роман А. Платонова «Чевенгур»), Тайбэй, 2006.
6. Дмитровская М.А. Язык и мирозерцание А. Платонова. Автореф. на соиск. уч. степ. доктора филол. наук. М., 1999.
7. Кожевникова Н.А. Тропы в прозе А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М., 2000.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
9. Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания, 2003, № 2.
10. Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия РАН. Сер. литературы и языка, 2004, том 63, № 1.
11. Baranov A.N. Metasprache zur Beschreibung von Metaphern im öffentlichen Diskurs // Kulturelle Vorstellungswelten in Metaphern. Metaphorische Stereotypen der deutschen

und russischen Medien als Hypertext. Forum Translationswissenschaft. Band 6. Peter Lang, 2006.

12. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.
13. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
14. Foucault M. L'ordre du discours. Paris, 1971.
15. Херадштейт Д., Нарвесен У. Психологические ограничения на принятие решения // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.